

Библиография

Евгений Пономарев

Травелог vs. путевой очерк:

ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ РОССИЙСКОГО ИЗВОДА¹

Evgeny Ponomarev

Travelogue vs. Travel Article: the Russian Version of Postcolonialism

Евгений Рудольфович Пономарев (ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор филологических наук) eponomarev@mail.ru.

Ключевые слова: философия постколониализма, литература путешествий, постколониальная литература, травелог, философия путешествия

УДК: 821.161.1 + 82-1/-9 + 82-32 + 801.731

Статья посвящена истории изучения литературы путешествий в России. Давней традиции, восходящей к исследованиям древнерусской литературы и паломнических хождений, противопоставлены новые тенденции, сложившиеся в последнее двадцатилетие с опорой на постколониальную теорию. Путешествия рассматриваются как особая «литература», альтернативная беллетристике, как автономный литературный процесс. В статье рассказывается о деятельности научных школ и коллективов, изучающих российские путешествия за границу и по стране (два основных типа травелогов), дан обзор новейших монографий и сборников статей. Упоминаются интересные явления в смежной сфере российской науки — изучении иностранных (преимущественно

Evgeny Ponomarev (leading researcher, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; professor, St. Petersburg state university of culture; Doctor of philology) eponomarev@mail.ru.

Key words: philosophy of postcolonialism, travel literature, travel writing, postcolonial literature, travelogue, philosophy of travel

UDC: 821.161.1 + 82-1/-9 + 82-32 + 801.731

This article is dedicated to history of travel literature studies in Russia. The old tradition, dating back to the studies of Old Russian literature and pilgrimages, contrasted with the trends of the latest twenty years based on postcolonial theory. The new trends study travel as a special “literature”, an alternative to belles-lettres, and as an autonomous literary process. The article describes the activities of academic schools that study Russian travel abroad and within Russia (two main types of travelogues), and an overview of the latest monographs and collections of articles is given. The interesting phenomena in a related sphere of Russian academia — the study of foreign (primarily European) travelogues — are also mentioned. The main question of the article is how the wide postcolonial influence on Russian scholars avoids the fundamental idea of postcolo-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 17-18-01432-П в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

европейских) травелогов. В центре статьи — вопрос о том, как широкое влияние постколониализма на российскую науку обходит стороной основную идею постколониализма: деконструкцию колониального мышления и освобождение от него.

nialism: the deconstruction of colonial thought and liberation from it.

В сегодняшней российской науке сосуществуют две мощные традиции изучения литературы путешествий. Первая имеет глубокие корни — опирается на восходящую к классикам литературоведения конца XIX — начала XX века методологию работы с текстами древнерусской литературы. Изучаются при этом не только древнерусские хождения и паломнические тексты, но и путевая литература допетровской и Петровской эпохи, в некоторых случаях — даже путешествия конца XVIII — первой половины XIX века (стернианские или чуть более поздние). Благодаря этому целая серия знаменитых хождений и путешествий получила научные издания (включающие в себя научные работы об этих произведениях, анализ истории текста и подробный комментарий) в серии «Литературные памятники»: [Хождение за три моря 1948; 1986; Карамзин 1984; 1987; Толстой 1992] и др. Ученые, работающие в рамках этой теоретико-методологической системы, так или иначе сводят путешествие к паломническому инварианту (даже образовательно-просветительское путешествие Карамзина в Европу осмыслено Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским в свете метафоры «Анахарсис в Афинах»), а «воображаемую географию» текста — к древним представлениям о рае и аде, локализованных в удаленных географических точках. Сама литература путешествий воспринимается ими как описательный нарратив, в некоторых случаях создающий возможность межкультурной коммуникации. Эта традиция имеет развернутую историографию и никак не связана с новейшими течениями политической и философской мысли — она позиционирует себя как строгая наука, свободная от конъюнктуры.

Вторая традиция (о которой и пойдет речь в статье), несмотря на солидную двадцатилетнюю историю, до сих пор воспринимается как новейшая и импортированная. Появившись в России в самом начале нового тысячелетия, она следовала за одним из важных течений современной западной философии — постколониальной теорией. Большей частью не разделяя идеи постколониализма², российские ученые оценили, во-первых, то понимание литературы путешествий, которое принес с собой новый подход. Из незначительного явления на периферии литературы (в древнерусской литературе или литературе XVIII века путешествие — один из второстепенных жанров литературного процесса; в литературе пушкинской эпохи и более позднего времени путевой очерк воспринимался как маловажный вид авторского высказывания, близкий дневникам и записным книжкам, лежащий вне основного литературного русла) в этой системе представлений путешествия превращались в литературу полноценную, «литературу факта», развивающуюся рядом с традиционной беллетристикой. Политическое значение литературного процесса (которое не вызывало сомнений в эпоху соцреализма, но в постсоветскую эпоху исчезло)

2 О неактуальности в российском общественном сознании идей постколониализма см.: [Пономарев 2020].

у путешествий оказывалось значительно более высоким, травелогии позволяли делать серьезные культурологические и социокультурные обобщения, каковых почти лишилось российское литературоведение с момента исчезновения советской идеологической подпитки. Очерковую поэтику, определяющую современный литературный процесс как в беллетристике, так и в травелогии, литература путешествий позволила транспонировать в глубь веков, фактически наметив альтернативную историю литературы — точнее, историю другой литературы (наподобие «археологии знания» М. Фуко). Словом, постколониализм в условиях потери идеологических ориентиров оказался одной из удобных матриц для постсоветского литературоведения. Этим и объясняется возникший в 2000-е годы сильнейший интерес к отдельным сочинениям знаменитых постколониалистов (например, Э. Саида в России прочитали внимательно; Х. Бабу — поверхностно, М.Л. Прэтт — не прочитали вообще³), к методологии и научному аппарату постколониальной критики, а в конечном счете и к идейной парадигме постколониализма.

Началось с заимствования основной терминологии. Термин «травелог» быстро прижился в филологической среде. Он сменил набивший оскомину «путевой очерк», поскольку не имел тех коннотаций незначительности, которые присутствовали и в жанровом определении «очерк», и в определении «путевой». Корень «логос» придавал литературе путешествий исключительное значение, а изучавшей его науке — статус глобального знания. Не исключено, что в каких-то небольших работах термин мог появляться и несколько раньше, но по-настоящему заметным он стал после выхода книги А.М. Эткинды «Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах» [Эткинды 2001]. Показательно, что новый термин вводился в русскоязычный оборот при посредничестве хорошо знакомого филологической общественности термина «интертекст». Впрочем, соединение в заглавии травелога и интертекста указывало и на сущностный аспект книги: травелогии в ней были представлены мало; понятие «травелог» практически не разъяснялось, три четверти сюжетов сводились не к путешествиям между Россией и Соединенными Штатами, а к беллетристическим сюжетам, сближающим (иногда неявно) две страны.

Найденное слово определило развитие традиции на русской почве. Употребление лексемы «травелог» стало знаковым: частое ее использование отличало сторонников новой традиции, полное неприятие — адептов старой. Впрочем, необходимость точного определения термина сразу разделило исследователей травелогов на две большие группы (такое же разделение существует и в западной науке с середины XX века). Сторонники широкого понимания термина считают травелогом любой литературный текст, в котором есть путешествие: от «Одиссеи» Гомера и «Путешествий Гулливера» Свифта до «Бармалея» Чуковского или толстовского «Гиперболоида инженера Гарина». Сторонники узкого понимания полагают, что травелог — это текст, созданный по следам реальной поездки, в котором маршрут становится основным фактором, влияющим на композицию и смыслы произведения. Здесь мы имеем дело с метатекстом, в котором параллельно разворачиваются реальное передвижение в пространстве и нарратив об этом передвижении. Я придерживаюсь узкого определения травелога. Травелогии в широком смысле целиком относятся к сфере беллетристики, поэтому их следует называть как-то

3 Подробнее см.: [Пономарев 2020].

иначе — географическим романом, литературой с географическим сюжетом. В некоторых случаях эта литература тесно соприкасается с литературой путешествий, а в других не имеет с ней ничего общего.

Вслед за травелогом были заимствованы термины «литература путешествий»⁴, «взгляд другого» (с бахтинскими коннотациями понятия «другой») и «инаковость», «между-пространства» (in-between spaces)⁵, а также ряд частных терминов, позволяющих анализировать композиции путешествий («отправление», «прибытие», «граница» и т.п.). Заимствовались и основные методы — прежде всего деконструкция, широко применяемая постколониализмом к изучаемым травелогам: например, исходной точкой анализа традиционных колониальных текстов становится представление о подавлении голоса колоний, захвате колонизатором права репрезентировать колонизируемых и говорить от их имени — так создается новый провокационный контекст, позволяющий читать традиционный текст о колонии совершенно иначе, чем его читали современники. На этом строится «Ориентализм» Саида [Саид 2006], анализ книг об Америке, написанных А. фон Гумбольдтом, у М.Л. Прэтт [Pratt 1992] или, скажем, анализ модернистских текстов, написанных западными писателями нацистских или коммунистических взглядов [Farley 2010].

Первыми серьезными проектами в изучении литературы путешествий стали проекты совместные, объединившие западных и российских исследователей. Одним из них был проект «Взгляды других: путешествия по маршруту Париж — Берлин — Москва в межвоенный период» (2004—2006). Межвоенный период (в то время это словосочетание — калька с немецкого «Die Zwischenkriegszeit» или с английского «interwar period» — звучало весьма непривычно для русского уха) был избран неслучайно: во-первых, как общепризнанный пик путешествий в европейских литературах; во-вторых, как время, когда образовался напряженный клубок францужско-немецко-советских конфликтов. «Русскую группу» проекта формировал В.Ш. Киссель, пригласивший к сотрудничеству Г.А. Тиме и меня. Киссель работал над темой модернистского путешествия (с акцентом на творчестве А. Белого), Тиме писала о философии и литературе русской эмиграции в Германии, понимая травелог предельно широко (вынужденный переезд и вынужденное жительство на чужбине как путешествие длиною в жизнь), а я писал о путешествиях советских писателей по Европе (преимущественно по маршруту Москва/Ленинград — Берлин — Париж). В рамках проекта состоялись три научные конференции (Оснабрюк, Серизи, Бремен) и была создана книжная серия «Reisen. Texte. Metropolen» («Путешествия. Тексты. Метрополисы»), в которой вышли восемь томов на немецком языке, первые три — по следам перечисленных конференций [Reisen. Texte. Metropolen 2005; 2006; 2009], следующие — уже в продолжение проекта⁶. Материалы третьего сбор-

4 Интересно, что англоязычное «travel writing» или немецкое «Reisebericht» в российской традиции не прижились.

5 А вот важный термин М.Л. Прэтт «контактная зона» пока не прижился в России. А. Эткинд не слишком удачно применяет его к русскому роману [Эткинд 2013], иногда о «контактной зоне» (вслед за Д. Клиффордом) пишут российские музеведы, имея в виду музейные экспозиции [Ананьев 2017], но почти никогда — исследователи литературы путешествий.

6 Среди них — интересный сборник статей, посвященный Гражданской войне в Испании, а также монография Инки Цан о путешествиях французов в СССР в указанный период.

ника, посвященного только русским травелогам, были переведены на русский язык Г.А. Тиме и с некоторыми дополнениями изданы под редакцией Г.А. Тиме и В.Ш. Кисселя [Беглые взгляды 2010]. Сугубо же российским итогом проекта стали монография Г.А. Тиме [Тиме 2011] и моя книга о путешествиях советских писателей в страны Балтии, Германию и Францию [Пономарев 2011; 2013б].

Нельзя сказать, что кто-то из руководителей проекта «Взгляды других» был убежденным постколониалистом; хотя и хорошо известная немецким интеллектуалам, эта теория не очень актуальна в Германии, совсем недолго пробывшей колониальной державой. Но необходимость знакомства с постколониальной теорией вытекала из самих дискуссий, которые велись на конференциях, а также во время обсуждений общего хода исследований. Под их влиянием у меня и родилась концепция «Типологии советского путешествия». Поездки советских писателей имели четкие задачи пропаганды: продемонстрировать всему миру идейную мощь новой советской культуры, ее глубину и полноценность, а также убедить европейских интеллектуалов в идейном превосходстве Советского Союза над капиталистической Европой. По сути, советская идеология продавалась на Запад в роскошной упаковке (как правило, путешествующие писатели имели большой культурный багаж, владели одним или несколькими иностранными языками, имели опыт жизни в довоенной Европе и говорили на одном языке с деятелями европейской культуры). У советских путешествий была и разведывательная функция: они изучали настроения европейского общества — прежде всего либеральных и левых интеллектуальных кругов, так что эти поездки в какой-то мере решали задачи расширения коммунистического интернационала. Попытка коммунистической колонизации Европы — на фоне общей антиколониальной риторики, свойственной советской литературе, — ярко проявляется в советских травелогах, писавшихся одновременно в качестве отчета о проделанной работе и прожекта «на будущее».

Такая постановка вопроса, как представляется, позволяет усложнить общий вид постколониальной теории. Получается, что движение от колониального к постколониальному сознанию (а также от колониальной к постколониальной политике) не только не линейно (это уже знает постколониализм, сформулировавший термин «империалистическая ностальгия» [Rosaldo 1983]), но и разнонаправленно: колониальная страна (в данном случае — ощущающая себя колониальной по итогам мировой войны и пережившая интервенцию) может поменяться ролями с колонизаторами, сменив политическую повестку. Если же рассматривать ситуацию в перспективе, то идейная колонизация Европы предшествует колонизации военно-политической (Советскому Союзу, как известно, все-таки удалось колонизировать на время ряд европейских стран, планировалась и дальнейшая экспансия). И этот новый колониализм, державшийся не на расовом или национальном превосходстве, а на превосходстве идейном, сменяет колониализм традиционный.

Монография Г. Тиме корректирует постколониальную теорию с иной стороны. Рассуждая об эмиграции, автор показывает, что беженцы из России оказались в межвоенной Европе на положении беженцев из колоний (в какой-то мере предвосхищая судьбы многих семей, которые вынуждены будут бежать в метрополию после получения колониями независимости). Путешествие и путешественника исследовательница понимает «в широком смысле» (цитата из набоковского «Подвига»), русский «взгляд Другого» на Германию был скорректирован длительным пребыванием авторов за границей. Берлин для эмиг-

рантов стал двойником Петербурга⁷, для многих — транзитной остановкой на пути из прошлого в будущее — «из Санкт-Петербурга в Москву» [Тиме 2011: 44], с намеком на знаменитое «Путешествие» Радищева, а также на западнические и азиатские коннотации двух российских столиц.

Некоторая эссеистичность и нежелание использовать четкие дефиниции сближают книгу Тиме с книгой Эткинда. Художественные тексты о перемещении по Европе и собственно травелоги; сюжеты из литературы путешествий и культурологические сюжеты с противопоставлением русского и немецкого сознаний; обобщения философского свойства и отдельные литературные сюжеты, а также очерки творчества отдельных эмигрантов в книге перемешаны. Но если у Эткинда мы видим лишь литературные «переключки», то здесь изложение становится постколониально ориентированным. Русское и немецкое сознание сходятся в точке «Берлин» или движутся из имперского Петербурга в советскую Москву через Берлин⁸ в момент распада империй. Если постколониальная критика на Западе больше занята литературой бывших колоний, то здесь речь идет о привычном имперском сознании, внезапно лишившемся империи. И вновь — чувство русских эмигрантов не укладывается в рамки «империалистической ностальгии» (обычно о ней пишут в тех случаях, когда авторы из метрополий посещают бывшие колонии после обретения ими независимости). Речь идет о мироощущении людей, воспитанных внутри имперского мифа и не умеющих отнестись к имперскому сознанию критически. Подобные случаи традиционная постколониальная критика почти не рассматривает.

Сборник же «Беглые взгляды» — это во многом немецкий сборник, переведенный на русский язык. Его значительность определяется тем, что впервые книга такого рода была издана по-русски и в России. Ряд немецких авторов задается вопросом о модернистской природе русского путешествия начала XX века. В.Ш. Киссель рассматривает вдохновлявшую Белого идею «Аргонавтов» в контексте африканских путешествий русского модерна и идей биокосмизма [Беглые взгляды 2010: 17, 19], противопоставляя последним утопию СССР, практически сразу выродившуюся в закрытие внешних границ и прикрепление граждан к месту жительства. Работы Т. Гроба, Р. Грюбеля и К. Гёльц посвящены соответственно путешествию Чехова на Сахалин, поездкам Розанова по России и передвижениям Цветаевой во время Гражданской войны. Все три исследователя понимают путешествие не столько географически, сколько метафорически, все трое уделяют внимание не столько маршруту, сколько словесной игре («беглые взгляды» из названия сборника претерпевают причудливые трансформации).

Полностью написан авторами из Германии и Швейцарии и следующий раздел — «Дороги бегства: путешествие на периферию империи». В нем рассматриваются персидская часть «Сентиментального путешествия» Шкловского (Ф. Гёблер), путешествия Мандельштама в Крым как «крымский текст» (Д. Буркхард) и «Путешествие в Армению» с точки зрения чувственного позна-

7 См. на ту же тему: [Пономарев 2013а].

8 Тут важны в равной мере плотные контакты обеих коммунистических партий (Германия была единственной страной Европы с легально действовавшей коммунистической партией), поездки немецких левых интеллектуалов в СССР и их тесное сотрудничество с советскими властями (яркий пример — В. Беньямин), а также эмиграция многих немцев-коммунистов в СССР после 1933 года.

ния (Й.-У. Петерс), а также травелоги Белого «Ветер с Кавказа» и «Армения» как «эстетическое наставление» (К. Эберт). Нужно заметить, что травелоги русского модернизма большей частью не укладываются в узкое определение травелога. Это не рассказ о путешествии, а использование экзотических впечатлений для создания определенной метафорической картины мира. Не случайно подходы, избранные авторами, уводят разговор от проблематики литературы путешествий (а вместе с тем и от постколониализма) в более привычные им сферы мифопоэтики и развернутых метафор бытия.

Иную направленность демонстрируют два других раздела, посвященных советским и эмигрантским травелогам. В них акцентирован именно травелог — практики освоения (культурного переосмысления) пространства. А. Гуски анализирует травелог Горького «По Союзу Советов» (написанный в качестве «реверса» дореволюционного цикла очерков «По Руси») — как *via triumphalis* главного писателя социализма, вернувшегося домой. Подробно описаны система репрезентаций и взаимозамещений фигуры путешественника (Горький вместо Сталина, Сталин как метафора «исторической объективности»), маршрут и отбор остановок, композиционная схема очерков [Беглые взгляды 2010: 176—177]. Все это вместе, как полагает автор, создает эффект «дереализации» реальности, свойственный сталинизму (мы бы сказали: соцреализму). Статья С. Франк о травелогах середины 1930-х годов более поверхностна, поскольку автор не базируется на конкретных текстах, а берет за основу концепции общую идею, заимствованную из советской критики исследуемого периода: ранние советские травелоги были «литературой факта», а к середине 1930-х гг. от них потребовались художественность и, соответственно, вымысел. Получившаяся общая картина местами интересна, местами же очень примерна. А. Эпельбуа вдумчиво пишет о поездках Платонова в Среднюю Азию (воспринимая их через призму путешествия советских писателей по Беломорско-Балтийскому каналу, в которое самого Платонова не взяли). Сохраняя общую матрицу советской «перестройки» азиатской окраины (цитируется хорошо знакомая Платонову книга Петра Павленко — автор несколько раз ошибочно называет его Павлом — «Путешествие в Туркестан»), Платонов приходит к восприятию Средней Азии как покинутой колыбели человечества.

Нескольким статьям о путешествии в литературе эмиграции задает тон статья Г. Тиме «Изгнание как путешествие: русский взгляд Другого». Ей вторит работа Г.-Б. Колер о творчестве Терапиано (рассматриваются как стихи этого младоэмигранта, так и его «Путешествие в неизвестный край», по моей терминологии — не травелог, а вымышленное путешествие). Особое место в этом разделе занимает статья Е.Д. Гальцовой об одном из ярчайших травелогов эмиграции — цикле очерков Г. Иванова «По Европе на автомобиле». Цикл уникален тем, что в нем, с одной стороны, рельефно показана преднацистская Германия, а с другой — на фоне настоящего проступает прошлое, связанное, в первую очередь, с впечатлениями Мировой войны и русской революции. «Амальгама документального и художественного жанров» [Беглые взгляды 2010: 272] — это и есть признак подлинного травелога. Отмеченное у Иванова противопоставление Германии и Франции (солдатского Потсдама и аристократического Версаля) накладывается на отвращение к нацистам, в особенности русским, и совпадает, добавим, с оценкой советских путешественников. Н. Маргулис затрагивает многоаспектную испанскую тему в советских травелогах 1930-х годов: от первых путешествий в королевскую Испанию

до поездок на гражданскую войну. Моя статья касалась советского «либерального путешествия» второй половины 1920-х годов. В этот период в Европу отправляется много писателей, большинство из них пишет о поездке книги очерков. Общее настроение этих текстов — формальное признание «другой (капиталистической) жизни», однако за этим кажущимся признанием стоит пропаганда «нашей жизни», более честной и прогрессивной (см. мою статью: [Беглые взгляды 2010: 329—358]). Статья У. Шмида посвящена как раз одной из книг такого рода — фотографическому альбому (с развернутыми подписями и объяснениями) Эренбурга «Мой Париж» (1933), визуальному «отчету о путешествии». Опираясь на работы Бахтина о восприятии Другого, соотношении внешнего и внутреннего, автор анализирует поэтику некоторых изображений, созданных Эренбургом: человек опредмечивается, его роль в мире полностью определяется автором фотографии. Дополняют последний раздел исследование Г. Хайдеманн о книге Шкловского «Зоо, или Письма не о любви», в котором верно подмечено, что жанр травелога постоянно колеблется «между фиктивным и фактическим» [Беглые взгляды 2010: 320], и статья К. Штэдтке о научных путешествиях Вернадского. Пропагандистскую сторону советского путешествия видят все перечисленные авторы, но постколониальные идеи использованы лишь в статье автора этого обзора.

Сборник «Беглые взгляды» важен с нескольких точек зрения. Во-первых, он впервые познакомил русскоязычного читателя с мировым брендом «травелог» и двумя центральными традициями рассмотрения литературы путешествий — строго на русском материале. Первая половина сборника демонстрирует «метафорический подход» к травелогам, при котором для исследования (широкого понимаемого) трэвел-текста выбирается та или иная философская, антропологическая, культурологическая призма, которая выходит на первый план и подчиняет себе чтение путешествия. Травелог в этом случае становится яркой иллюстрацией той или иной теории, связанной с дискурсом путешествия. Авторы второй половины сборника интересуются травелогом как таковым и его основной жанровой задачей — (пере)открытием и (пере)означиванием пространства. Процесс переозначивания протекает на разных уровнях, но так или иначе выстраивает отношения колонизируемых с колонизирующими. Наиболее выигрышным материалом для новой теории оказался советский травелог, переоткрывающий необозримые территории бывшей Российской империи как Союз Советов, по-новому знакомящий советского читателя с условным Западом (потенциальным врагом и потенциальным колонизируемым пространством) и условным Востоком (бывшими колониями, освобождающимися от колониальной роли при помощи советских идей, т.е. выступающими в роли младшего брата Советской России).

Во-вторых, авторы сборника отказались от понятия «путевой очерк», привычного для советской и ранней постсоветской науки. У путевого очерка нет своей программы и собственного общекультурного значения, нет грандиозной исторической памяти, восходящей к великим географическим открытиям (М.Л. Прэтт) или даже походам Александра Македонского (Э. Саид). А также нет того спектра призм (научно-технический прогресс, гендер, миграции и т.д.), который молчаливо присутствует в жанровой памяти травелога и питается постколониальными и, шире, современными либеральными идеями.

В-третьих, по нему хорошо видно, что идеи постколониализма (появившиеся и развивавшиеся в первую очередь в США и Великобритании) пришли

в Россию при посредничестве немецких ученых. Классики постколониализма не бывали в России и не популяризировали свои идеи самостоятельно. Немецкое посредничество во многом объясняет тот странный факт, что постколониализм прижился в России как метод анализа травелога, но совсем не обсуждался как философское течение или мировоззрение. У немцев, в отличие от британцев или белого населения Америки, нет постколониальной травмы; постколониализм для них не жизненный принцип, а научный инструмент. Как инструмент он оказался очень востребован и в России.

Следует упомянуть еще один российско-немецкий проект — международную конференцию стипендиатов фонда Александра фон Гумбольдта, прошедшую в Санкт-Петербурге в апреле 2013 года. По итогам конференции был издан сборник статей «Феноменология, история и антропология путешествий» [Phänomenologie 2015] (ср. также тезисы: [Феноменология 2013]). Отсутствие в нем статей на русском показательное, как и ориентация большинства статей на проблемы германской филологии. Лишь одна из десяти рубрик посвящена российским травелогам с немецким маршрутом. Значение этой конференции не столько в сборнике, сколько в том, что проблематика изучения травелога обсуждалась в крупнейших петербургских научных учреждениях. Широкий охват российских участников и большое количество немецких, несомненно, повлияло на популяризацию изучения травелога и литературы путешествий.

К середине 2010-х годов в России появилось несколько собственных школ, формирующих собственные программы исследований литературы путешествий. Остановимся на наиболее значительных.

В первую очередь следует назвать Новосибирский государственный педагогический университет, где под руководством Т.И. Печерской с середины 2010-х стали проводиться регулярные конференции по литературе путешествий. Первый сборник научных статей был выпущен НГПУ в 2013 году [Литература путешествий 2013], в дальнейшем по итогам конференций стали выходить объемные коллективные монографии, содержащие в заглавии термин «травелог» и указание на путешествия Нового времени (отличные от древнерусской традиции).

Первая коллективная монография [Русский травелог 2015] получилась тематически пестрой. Деление на разделы не имеет единого принципа. Заграничные путешествия и путешествия по России (раздел «Травелог в документальной литературе») — два основных маршрута русских путешественников. Но если статьи первого раздела классифицированы по маршруту, то работы из второго («Художественная рецепция путешествий») и третьего («Идеологический модус травелога») — нет, хотя поэтика «документального» травелога напрямую связана с маршрутом автора, как и «идеологический модус» травелога. Методологически тексты коллективной монографии можно разделить на несколько видов. Преобладают в сборнике обзорно-описательные работы, знакомящие с малоизвестными текстами XVIII—XIX веков с акцентом на этнографических редкостях необычного маршрута: например, статьи о записках о. Иакинфа и Е.Ф. Тимковского о Монголии (статья В.В. Мароши) или об африканских впечатлениях во «Фрегате “Паллада”» Гончарова (статья К.К. Павлович)⁹. Рабо-

9 Показательно: там, где американский автор увидел бы в тексте Гончарова проявление колониального сознания (например, в похвале готтентотам Гончаров перечисляет только деятельность, связанную с тяжелым физическим трудом и служением:

ты, посвященные описанию потенциально знакомых читателю (европейских) пространств, демонстрируют способы проявления в травелоге культурологических парадигм и символических смыслов, возникших задолго до исследуемых текстов: например, сопоставление Рима и Петербурга, связанное с символикой собора Св. Петра, в статье О.А. Фарафоновой или противопоставление русского мифа об Италии реальным картинам этой страны в статье Н.А. Ермаковой (см.: [Русский травелог 2015: 75]). Выделяется статья Д.С. Докучаева о почтовой открытке как необычной форме травелога. Но, несмотря на новую терминологию, все эти работы тяготеют к прежним представлениям о путевом очерке — описательном географическом нарративе. К новому пониманию травелога ближе те статьи, в которых пространственный нарратив соединяется с текстовым осмыслением «пути» и «движения» (статья Л.И. Журовой) или с символическим осмыслением границы (Европы и Азии) (статья Ф.С. Корандея).

Основные работы, демонстрирующие новый подход, сосредоточены в последнем разделе («Идеологический модус травелога»), поскольку именно идеологический вектор и превращает путевой очерк в травелог. Т.И. Печерская предложила типологическую классификацию и описание около 60 травелогов, опубликованных в журнале «Русское слово» за 1859—1864 годы. Доктриной журнала было западничество, а идеологическим модусом — стремление передать читателю критический взгляд на российскую (и европейскую) реальность [Русский травелог 2015: 500]. Сплошной просмотр «толстого журнала» лучшим образом убеждает в существовании литературы путешествий рядом с традиционными беллетристкой и публицисткой. Если же взять более длительный период, можно увидеть и закономерности развития литературы путешествий определенной эпохи. Несмотря на, казалось бы, очевидную идею, статья Печерской была первой работой такого рода, — вероятно, ориентированной на большой указатель травелогов, который НГПУ готовил несколько лет. Думается, сплошные выборки из журналов еще долго будут востребованы (ср., например: [Румановская 2019]).

Неожиданный ракурс придает теории травелога статья М.Ю. Мартынова о концепте «путешествие» в дискурсе русского анархизма, выделяющая особый тип путешествия — «перемена мест», или странничество Нового времени, — и описывающая концепт при помощи системы отрицаний: бегство от мира, отрицание конечной цели, отрицание границ. Здесь травелог становится инструментом формирования идеологии. Очень близка к постколониальной проблематике работа Дж.Я. Рахаева об осмыслении депортации балкарцев и карачаевцев в национальных литературах и культурном сознании этих народов. Наконец, три завершающие книгу статьи посвящены советским путешествиям 1930—1940-х годов — литературном, дипломатическом, литературно-дипломатическом. Все три травелога представляют собой метатекст, все три переосмысливают традиционные символические коннотации описываемых земель (США,

«Они отличные земледельцы, скотоводы, хорошие слуги, кучера и чернорабочие»), русский автор видит демократизм и сочувствие к рабам [Русский травелог 2015: 254, 256]. Дело в точке зрения: для традиционной (советской) литературоведческой парадигмы великий писатель не может быть плохим человеком, а следовательно, должен осуждать рабство и сочувствовать угнетенным. Когда же речь заходит о колониальном сознании, используются не этические категории (или антитеза «прогрессивное — реакционное» сознание), а категории эпохальные: человек XIX столетия не может не быть носителем колониальной идеологии.

Палестина, Германия и Восточная Европа). Путешествия как жанр соединяют два типа мышления, колониальное и постколониальное, поскольку рассматривают описываемые территории как потенциальный объект советской колонизации, используя риторику освобождения от колониальной зависимости.

Как можно видеть, новое восприятие травелога медленно приживается в российской науке; во многих работах подход остается традиционным. Ощущение специфики травелога как метатекста, а путешествия — как особой формы литературы проявляется в тех работах, где стержнем оказывается идеологическая деконструкция текста. По сути, именно деконструкция, направленная на выявление идеологического бэкграунда произведений, и отличает постколониальную критику. Постколониализм существенно влияет на методологию российских исследований, но точка приложения этой методологии совершенно иная: это, так или иначе, имперская экспансия России или Советского Союза. Сибирская тематика многих работ (вполне понятная в книге, изданной в Новосибирске) работает на этот (пост)имперский синдром.

Во второй коллективной монографии [Русский травелог 2016] традиционные статьи о путевом очерке чередуются с попыткой современного анализа травелогов. Выделяется в ней раздел, изучающий мифопоэтизацию пространства в травелоге. Н.Е. Меднис пишет о том, как локус романтического пространства перемещался в литературе XIX века с Кавказа в Сибирь — благодаря деромантизации Кавказа в реалистической литературе и романтизации «борьбы за свободу» во всех сферах культурной жизни. В.В. Мароши пишет об идеальном пейзаже — пришедшем в литературу путешествий по Азии из романтических элегий и эклог — в уже знакомых нам записках о Иакинфа и Е.Ф. Тимковского. Здесь, так сказать, для полноты постколониального подхода не хватает прагматической деконструкции текста: «земной рай» или нетронутая первобытность в травелогe всегда подразумевают идею эксплуатации нетронутых пространств (как показывает М.Л. Прэтт на примере сочинений Гумбольдта). Очень интересна статья Е.Г. Николаевой, описывающая очерки о Желтугинской республике, или «Амурской Калифорнии», — стихийном государственном образовании на севере Китая (у южной границы Российской империи), живущем добычей золота. Формы организации жизни в Желтуге, полагает исследовательница, заставляют вспомнить об американской беллетристике, посвященной калифорнийской золотой лихорадке; вероятно, желтугинцы и писавшие о них очеркисты были знакомы с текстами Твена и Гарта. Так на наших глазах формируется парадигма «литература — жизнь — литература» [Русский травелог 2016: 113]. В подтексте же пульсирует мысль о Сибири как «нашей Америке», и даже демократическое устройство приисковой республики работает на нее. Момент освоения первозданного пространства при попытке русской колонизации Китая подчеркнут А.А. Богодеровой, описывающей путешествие по Маньчжурии (по сути, путешествие по КВЖД) в мирное время и в годы Японской войны. Важна и работа Н.В. Константиновой, привлекающая внимание к центральной методологической проблеме — нарративным стратегиям травелога — на материале военно-морских травелогов начала XIX столетия (не самом удобном материале для этой цели: во всех цитируемых текстах так или иначе проявляются установки сентиментального путешествия).

Авторы третьей коллективной монографии [Русский травелог 2019] сосредоточились на выдуманных и художественных путешествиях, которые точнее было бы именовать географическими повестями и романами, чтобы отличать

от собственно травелогов. Немногие работы о реальных путешествиях (травелогах) не добавляют ничего существенного к тем методологическим работкам, которые появились в первых двух книгах. Отметим разве что статьи о «детском травелог» (точнее, о детской литературе по мотивам географических путешествий). Возможно, мы наблюдаем затухание новосибирского проекта изучения травелогов, хотя, наверное, сложившаяся исследовательская школа еще проявит себя в будущем.

Главным итогом коллективной работы новосибирцев стал 832-страничный аннотированный указатель [Русский травелог 2018]. Это — яркое свидетельство отличия российского подхода к изучению травелога от западного. Российские исследователи начинают с систематизации материала, оставляя на будущее теорию и методологию. Действительно, литература путешествий почти не известна и не систематизирована, ее большая часть представлена исключительно в периодике, что затрудняет поиск. Решить эту задачу и призван указатель. Разумеется, первый опыт такого рода, несмотря на внушительный объем, не может претендовать на полноту. Некоторые решения составителей можно критиковать (например, включение в книгу большого раздела «Путеводители»), однако объем проделанной ими работы впечатляет.

По стопам новосибирцев пошел Московский городской педагогический университет. Впрочем, сборник, изданный МГПУ по итогам научной конференции, называет словом «травелог» практически что угодно (один из авторов увидел какие-то элементы травелога в тексте Высоцкого «Я из дела ушел...» [Травелог 2016: 103–110], другой автор пишет о путешествии в родовую память [Травелог 2016: 173–181]). С точки зрения нашей темы в книге есть только одна интересная работа, описывающая путешествия писателя Н.Н. Каразина и художника Верещагина в только что завоеванный Туркестан в плане колониального сознания [Казимирчук 2016], однако краткость работы и сосредоточенность автора исключительно на антропологии (т.е. описаниях других типов людей) оставляют лишь ощущение эпизода.

Показательно, что колониальная проблематика в российских исследованиях русских травелогов факультативна. Это особенно бросается в глаза на фоне российских исследований азиатских путешествий [Под небом Южной Азии 2015] или литератур меньших народов, составлявших население европейских империй [Сегменты идентичности 2014] (эту коллективную монографию открывает статья о Конраде, которого теоретики постколониализма нередко называют первым постколониальным автором), — или даже работ, соединяющих ту и другую проблематику [Бодрова 2016]. Лишь изредка касаются (пост)колониального мышления работы о путешествиях в Среднюю Азию — тем более, как в приведенном выше случае, о завоевательных походах в Туркестан. Исследователи сибирских травелогов, подчеркивая отдельность и самостоятельность Сибири в сознании как путешественников, так и ее русского населения, предлагают принципиально иные парадигмы: Сибирь, по их мнению, веками воспринимается не как огромная колония, а как азиатская часть двуединой империи (наподобие Австрии и Венгрии или, точнее, Англии и Шотландии, объединенных общей британской идентичностью)¹⁰, отделенная

10 Здесь отечественные исследователи сибирского текста сходятся с иностранными специалистами в области сибирского текста и сибирской идентичности. См.: [Бассин 2005; Bassin 1991].

от европейской России не столько культурно, сколько географически и климатически [Анисимов 2009]. Общеизвестное разделение России на европейскую и азиатскую половины, восходящее к Татищеву, предполагает, что Сибирь не менее значима, чем европейская часть страны. Уже в XIX веке сибирская интеллигенция формирует «областничество» — интеллектуальное течение постколониального типа [Анисимов, Разувалова 2014: 79], в котором этническая идентичность существенно уступала географической. В конце XX века похожая повестка была повторена советскими писателями-«деревенщиками», многие из которых имели сибирское происхождение. Верность этих оценок подтверждается обширным материалом сибирских травелогов (а также травелогов, созданных авторами-сибиряками), собранным в ходе проекта НГПУ.

Сибирский травелог становится с этой точки зрения наиболее крупным вариантом местного (областного) травелога. Путешествиями краеведческого характера наиболее активно занимаются в Пермском университете (уральский травелог) и Тверском университете (путешествие по тверским землям). Уральский травелог представляет интерес с двух точек зрения. С одной стороны, уральские ученые исходят из картирующей функции литературы (путешествий), закрепляющей за определенным географическим пространством определенные символические смыслы [Абашев, Фирсова 2010: 98]. По сути, травелог — раньше, чем беллетристические тексты, — наносит Урал на литературную карту. Первые описания Урала, данные в рамках научных экспедиций конца XVIII века, порождают сами топонимы «Урал» и «Уральские горы» [Власова 2013: 162–163]. Беллетристическое же картирование Урала осуществляется столетием позже, в 1880-е годы, после публикации уральских очерков Немировича-Данченко и Мамина-Сибиряка [Власова 2013: 161]. Именно травелог и представляют Урал широкому читателю. Сибирский тракт и река Кама — пароходное сообщение по ней установилось в 1850-е годы, — а также построенная в 1899 г. Пермь-Котласская железная дорога определяют маршруты уральских путешествий: у каждого из них своя оптика и, соответственно, свое видение Урала [Власова, Ведерников 2019]. Этот подход близок к постколониальному (территория не существует сама по себе, она получает литературную жизнь благодаря словесному описанию; оптика и интенции повествователя формируют географические представления читателей), однако преследует совершенно иные цели: не противопоставить колониальному взгляду антиколониальный, а проследить историю Урала в русском (и мировом) литературном пространстве. До своего литературного рождения Урал имел лишь местное значение; благодаря литературе путешествий и близким к ней беллетристическим жанрам Урал становится общечеловеческим феноменом.

Оптика путешествия, напрямую связанная со средством передвижения, — идея, тоже порожденная постколониальным дискурсом. Развитие техники — одно из объяснений радикальных перемен в сознании человечества, предложенных ранним постколониализмом (см., например: [Smith 2001]). В краеведческих исследованиях травелога эта мысль приобретает практический характер: так, первый взгляд на Пермь будет совершенно разным у въезжающего в город по шоссе на дороге, созерцающего речную панораму с борта парохода или видящего обрывки городского пейзажа из окна вагона. А этот первый взгляд во многом формирует общее впечатление от города [Власова 2018].

С другой стороны, уральский травелог рассматривается в сочетании нескольких литературных традиций: русской и местных — удмуртской и коми.

Постколониализм обычно противопоставляет голос людей из колоний текстам колонизаторов, которые присвоили себе право говорить от имени колониальных территорий. Здесь этот подход почти не работает, поскольку отсутствует мировоззренческий конфликт двух литератур: коми литература возникла только в советское время. Развитие национальных литератур и литературных языков, таким образом, стало возможным на фоне антиколониальной идеологии первых советских десятилетий. С другой стороны, советскую власть, как и власть императорской России, с традиционной точки зрения следует рассматривать как колонизатора. Получается логическая нестыковка.

Травелоги местных писателей, созданные в XIX веке на русском языке, пытаются встроиться в традицию натурального очерка и народнической прозы [Лимерова 2010; 2016; Созина 2016]. Жанр травелога, как полагают исследователи, был очень удобен начинающим авторам из среды местной интеллигенции, поскольку упрощал задачи сюжетосложения. Идеологически же авторы подключались к общерусскому колониально-этнографическому субтексту [Лимерова 2016: 113], используя сложившиеся «внешние» клише по отношению к собственному краю. Можно рассмотреть этот случай как вариант «контактной зоны», описанной М.Л. Прэтт, однако это будет не верно. Развитие национальных культур Пермского края с XIX века принято рассматривать в контексте так называемой «освободительной борьбы» интеллигенции по всей империи. Пермская и столичная интеллигенция мыслили в рамках одной парадигмы. Оппонент и даже враг в их представлении определялся не в национальной системе координат: это были имперские власти и самодержавие. Приведенный пример во многом объясняет, почему постколониальная теория (по крайней мере, в ее классическом виде) почти не применяется к истории Российской империи.

Тверской травелог изучается принципиально иначе. Тверь проще картировать в силу ее близости к Москве. Национально-языковые различия не играют в ней такой роли, как в травелоге уральском. Поэтому в трех выпусках собрания тверских травелогов [Тверь в записках путешественников 2012; 2013; 2014], подготовленных Е.Г. Милогиной и М.В. Строгановым, соединены записки русских путешественников и иностранцев, путешествия сухопутные и водные, тексты разных жанров. Ключевым моментом собрания стал географический локус — Тверь (понимаемый символически: провинциальный город, расположенный между двумя столицами), а не сам травелог, не путешествие. Итогом длительного изучения тверского текста стала монография двух упомянутых авторов, в которой они попытались распространить опыт изучения тверского травелога на путешествие по России в целом. Однако аморфность дефиниций (травелогами авторы считают как собственно травелоги, так и путеводители; как подлинные путешествия, так и путешествия вымышленные; местами «литературное путешествие» и «травелог» разделены, но травелог подается как «филиация литературного путешествия» [Милогина, Строганов 2013: 36]), а также неразличение признаков путешествий древних, новых и даже современных (в главе о Карамзине и пушкинской эпохе мелькают выражения вроде «принимающая сторона»), равно как и опора на провинциальный травелог (повествующий о привычных для повествователя и читателя реалиях, а не об экзотике, более свойственной травелогу) существенно снижают ценность важных наблюдений и полученных выводов. В книге сделана попытка типологизировать феномен путешествия, исходя из нескольких разно-

плановых типологических принципов — что заведомо обрекает попытку на неудачу: сначала заявлены два основных, потом появляются дополнительные. Многочисленные мелкие «типологии», на которые распадается теория, не слишком удобны. Приведем только один пример — типологию по цели путешествия. Первый тип — ученое путешествие, второй — познавательное (чувствуя неясность противопоставления второго первому, авторы добавляют: «развлекательная или каникулярная прогулка»), третий — представительский вояж, четвертый — живописное путешествие-обозрение [Милюгина, Строганов 2013: 41—43]. Очевидно, что четвертый тип взят из другой системы координат: он характеризует не цель, а свойства поэтики, а первые три напоминают подтипы одного типа. Опущен целый ряд первостепенных типов, среди которых, конечно, должен быть и колониальный. Если же речь идет исключительно о российских реалиях, то не хватает, например, путешествия по казенной надобности, путешествия в составе воинского формирования и т.д. Намного интереснее вторая половина монографии, в которой авторы почти перестают теоретизировать и подробно рассказывают о нескольких основных описаниях Твери в травелогах имперского времени.

Тот же тандем авторов выступил с двумя важными статьями и в новосибирских коллективных монографиях. Там они — едва ли не единственные из участников — обратились к теории травелога. В первой статье авторы занялись общей типологией жанра, начав *ab ovo*. Они разделили путешествия по «стихиям» (суша, море, воздух), рассматривая стихии одновременно как среду обитания и как дорогу. Такая типология весьма интересна, но не оставляет ощущение, что она столь же оторвана от жизни, как и «мелкие» типологии из монографии 2013 года. Во второй же статье авторы исходят из неверной посылки: «Совершенно очевидно, что травелог является документальным жанром...» [Русский травелог 2016: 234]. Напротив, травелог — это особое жанровое образование, соединяющее в себе документальность с вымыслом и другими проявлениями литературности. Отсюда и его странное положение — то ли на периферии литературного процесса (как считали раньше), то ли в самом центре прагматического понимания литературы (как многие полагают сейчас). Жанровая типология Милюгиной и Строганова возвращает нас во времена изучения путевых очерков, однако сама по себе попытка предложить жанровую типологию травелога весьма значима.

Похоже, что формирование общей теории травелога (Нового времени) становится в России осознанной задачей. Восприняв постколониализм методологически, российские ученые пытаются создать собственную философию травелога и связанную с ней научную теорию, обобщающую эмпирические исследования. Принципы, на которых может быть построена теория травелога, обсуждались в специальных секциях на двух международных конференциях «Язык в координатах массмедиа» (Варна, 2016; Санкт-Петербург, 2017), объединивших специалистов из разных российских центров изучения травелога [Медиалингвистика 2016: 232—252; 2017: 146—159]. В дискуссии 2017 года была предпринята попытка выделить не культурно-исторический, а лингвистический дискурс травелога и построить теорию исходя из анализа характерных исключительно для травелога типов высказывания [Пономарев 2017б]. Однако более продуктивной оказалась традиционная (постколониальная по духу) опора на имперское сознание повествователя [Пономарев 2016; 2017а]. На создание общей теории травелога ориентированы и разрабатываемые се-

годня в ИМЛИ РАН проекты комплексных исследований литературы путешествий, в которых передвижение путешественников (и создаваемых ими текстов) должно изучаться обоюдонаправленно (например, путешествия советских людей в США исследуются параллельно с путешествиями американцев по СССР), а также охватывать большие территории. Вероятно, другие центры изучения травелога заняты похожими разработками. Какой станет российская теория травелога, сейчас сказать трудно, но то, что она вскоре появится, почти не вызывает сомнений. Новая же философия травелога, вполне возможно, станет существенным переосмыслением (на российском и евразийском материале) постколониальной философии Запада.

Литература / References

- [Абашев, Фирсова 2010] — *Абашев В.В., Фирсова А.В.* План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4. С. 98—104.
- (*Abashev V.V., Firsova A.V.* Plan mestnosti: literatura kak putevoditel' // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubeznaja filologija. 2010. Issue 4. P. 98—104.)
- [Ананьев 2017] — *Ананьев В.Г.* Концепт «музея как контактной зоны» в современной зарубежной историографии // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 81—89.
- (*Ananjev V.G.* Koncept «muzeja kak kontaktnoj zony» v sovremennoj zarubezhnoj istoriografii // Vestnik Moskovskogo un-ta. Series 19. 2017. № 1. P. 81—89.)
- [Анисимов 2009] — *Анисимов К.В.* Климат как «закоснелый сепаратист»: символические и политические метаморфозы сибирского мороза // НЛЮ. 2009. № 99. С. 98—114.
- (*Anisimov K.V.* Klimat kak «zakosnelij separatist»: simvolicheskie i poeticheskie metamorfosy sibirskogo moroza // NLO. 2009. № 99. P. 98—114.)
- [Анисимов, Разувалова 2014] — *Анисимов К.В., Разувалова А.И.* Два века — две грани сибирского текста: областники vs. «деревенщики» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 75—101.
- (*Anisimov K.V., Razuvalova A.I.* Dva veka — dve grani sibirskogo teksta: oblastniki vs. «derevenshiki» // Vestnik Tomskogo universiteta. Filologija. 2014. № 1 (27). P. 75—101.)
- [Бассин 2005] — *Бассин М.* Россия между Европой и Азией: идеологическое конструирование географического пространства // Полит.ру. 2005 (<https://polit.ru/article/2005/04/12/bassin/> (дата обращения 18.09.2020)).
- (*Bassin M.* Rossiya mezhdru Evropoj i Aziej: ideologicheskoe konstruirovanie geogeragicheskogo prostranstva // Polit.ru. 2005 (<https://polit.ru/article/2005/04/12/bassin/> (18.09.2020)).)
- [Беглые взгляды 2010] — Беглые взгляды: новое прочтение русских травелогов первой трети XX века / Сост., отв. ред. В.-С. Киссель, Г.А. Тиме. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- (*Beglye vzglyady: novoe prochtenije russliih travelogov pervoj treti XX veka* / Ed. by W.S. Kissel, G.A. Tyme. Moscow, 2010.)
- [Бодрова 2016] — *Бодрова А.Г.* Женский индийский текст в его немецком и сербском изводах (на примере травелогов Альмы Карлин и Елены Димитриевич) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. Сер. 9. Вып. 1. С. 5—12.
- (*Bodrova A.G.* Zhenskij indijskij tekst v ego nemeckom i serbskom izvodah (na primere travelogov Al'my Karlin i Eleny Dimitrievich) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2016. Series 9. Issue 1. P. 5—12.)
- [Власова 2013] — *Власова Е.Г.* У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 2. С. 159—171.
- (*Vlasova E.G.* U istokov obraza Urala: otchety ob uchenyh puteshestvijah konca XVIII veka // Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija. 2013. Vol. 2. № 2. P. 159—171.)

- [Власова 2018] — *Власова Е.Г.* Урал из окна вагона: средства коммуникации и травелог // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. Вып. 2. С. 64—71.
- (*Vlasova E.G.* Ural iz okna vagona: sredstva komunikacii i travelog // Vetsnik Permskogo univositeta. Rossijaskaja I zarubezhnaja filologija. 2018. Vol. 10. Issue 2. P. 64—71.)
- [Власова, Ведерников 2019] — *Власова Е.Г., Ведерников А.П.* Травелог в истории литературного открытия Урала: к вопросу о роли жанра в структуре локального текста // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 143—150.
- (*Vlasova E.G., Vedernikov A.P.* Travelogi v istorii literaturnogo otkrytija Urala: k voprosu o roli zhanra v strukture lokalnogo teksta // Ural'skij istoricheskiy vestnik. 2019. № 2 (63). P. 143—150.)
- [Казимирчук 2016] — *Казимирчук А.* Колониальная антропология в травелогах XIX века: на примере прозы Н.Н. Каразина и В.В. Верещагина // Травелог: рецепция и интерпретация / Сост., отв. ред. Э.Ф. Шафранская. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 173—181.
- (*Kazimirchuk A.* Kolonial'naja antropologija v travelogah XIX veka: na primere prozy N.N. Karazina i V.V. Vereshagina // Travelogi: recepcija i interpretacija / Ed. by E.F. Shafranskaja. Saint Petersburg, 2016. P. 173—181.)
- [Карамзин 1984] — *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М. Лотман и др. Л.: Наука — Ленингр. отд-ние, 1984.
- (*Karamzin N.M.* Pis'ma russkogo puteshhestvennika / Ed. by Yu.M. Lotman et al. Leningrad, 1984.)
- [Карамзин 1987] — *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М. Лотман и др. Л.: Наука, 1987.
- (*Karamzin N.M.* Pis'ma russkogo puteshhestvennika / Ed. by Yu.M. Lotman et al. Leningrad, 1987.)
- [Лимерова 2010] — *Лимерова В.А.* Жанровые разновидности путешествия в коми-зырянской словесности середины XIX века // Эволюция жанров в литературе Урала XVII—XX вв. в контексте общероссийских процессов. Екатеринбург: УрО РАН, 2010. С. 165—182.
- (*Limerova V.A.* Zhanrovye raznovidnosti puteshhestvija v komi-zyrjanskoj slovesnosti serediny XIX veka // Evoljucija zhanrov v literature Urala XVII—XX vv. v kontekste obsherossijskih processov. Ekaterinburg, 2010. P. 165—182.)
- [Лимерова 2016] — *Лимерова В.А.* У истоков коми литературной эпики: описания путешествий, местнографические сочинения // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности / Науч. ред. Т.А. Снигирева, Е.К. Созина. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. С. 110—139.
- (*Limerova V.A.* U istokov komi literaturnoj epiki: opisaniya puteshhestvij, mestnograficheskie sochinenija // Permskie literatury v kontekste finno-ugorskoj kul'tury I russkoj slovesnosti / Ed. by T.A. Snigireva, E.K. Sozina. 2nd edn., rev. Ekaterinburg, 2016. P. 110—139.)
- [Литература путешествий 2013] — Литература путешествий: дискурсивный и культурно-семiotический аспекты / Под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск: СИЦ НГПУ «Гаудеамус», 2013.
- (Literatura puteshhestvij: Diskursivnyj i kulturno-semioticheskiy aspekty / Ed. by T.I. Pecherskaja. Novosibirsk, 2013.)
- [Медиалингвистика 2016] — Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах масс-медиа: Материалы I международной научно-практической конференции. 6—9 сентября 2016 г., Варна, Болгария. СПб.: СПбГУ, 2016.
- (Medialingvistika. Issue 5. Yazyk v koordinatah mass-media: Materialy I mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sept. 6—9 2016, Varna, Bulgaria. Saint Petersburg, 2016.)
- [Медиалингвистика 2017] — Медиалингвистика. Вып. 6. Язык в координатах масс-медиа: Материалы II международной научно-практической конференции. 2—6 июля 2017 г., Санкт-Петербург, Россия. СПб.: СПбГУ, 2017.
- (Medialingvistika. Issue 6. Yazyk v koordinatah mass-media: Materialy II mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. July 2—6, 2017, Saint Petersburg, Russia. Saint Petersburg, 2017.)
- [Милюгина, Строганов 2013] — *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Русская культура в зеркале путешествий. Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 2013.
- (*Milugina E.G., Stroganov M.V.* Russkaja kultura v zerkale puteshhestvij. Tver', 2013.)
- [Под небом Южной Азии 2015] — Под небом Южной Азии. Движение и пространство. Парадигма мобильности и поиски смыслов за пределами статичности / Рук. проекта И.П. Глушкова, отв. ред. С.Е. Сидорова. М.: Наука — Восточная литература, 2015.
- (Pod neбом Yuzhnoj Azii. Dvizhenije i prostranstvo. Paradigma mobil'nosti I poiski smyslov za predelami stachnosti / Directed by I.P. Glushkova, ed. by S.E. Sidorova. Moscow, 2015.)
- [Пономарев 2011] — *Пономарев Е.Р.* Типология советского путешествия. Советский путевой очерк 1920—1930-х годов. СПб.: СПбГУТид, 2011.

- (*Ponomarev E.R.* Tipologija sovetskogo puteshestvija. Sovetskij putevoj ocherk 1920—1930-h godov. Saint Petersburg, 2011.)
- [Пономарев 2013а] — *Пономарев Е.Р.* «Берлинский очерк» 1920-х годов как вариант петербургского текста // Вопросы литературы. 2013. № 3. С. 42—67.
- (*Ponomarev E.R.* «Berlinskij ocherk» 1920-h godov kak variant peterburgskogo teksta // Voprosy literatury. 2013. № 3. P. 42—67.)
- [Пономарев 2013б] — *Пономарев Е.Р.* Типология советского путешествия. «Путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СПбГУКИ, 2013.
- (*Ponomarev E.* Tipologija sovetskogo puteshestvija. «Puteshestvije na Zapad» v literature mezhoenogo perioda. 2nd edn., rev. Saint Petersburg, 2013.)
- [Пономарев 2016] — *Пономарев Е.Р.* Пространство имперского травелога // Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах массмедиа. Материалы I международной научно-практической конференции. 6—9 сентября 2016 г., Варна, Болгария. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 244—246.
- (*Ponomarev E.R.* Prostranstvo imperskogo traveloga // Medialingvistika. Issue 5. Yazyk v koordinatah massmedia. Materialy I mezhduнародnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sept. 6—9 2016, Varna, Bulgaria. Saint Petersburg, 2016. P. 244—246.)
- [Пономарев 2017а] — *Пономарев Е.Р.* К вопросу об общей теории травелога // Медиалингвистика. Вып. 6. Язык в координатах массмедиа. Материалы II международной научно-практической конференции. 2—6 июля 2017 г., Санкт-Петербург, Россия. СПб.: СПбГУ, 2017. С. 150—152.
- (*Ponomarev E.R.* K voprosu ob obshej teorii traveloga // Medialingvistika. Issue 6. Yazyk v koordinatah massmedia. Materialy II mezhduнародnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. July 2—6, 2017, Saint Petersburg, Russia. Saint Petersburg, 2017. P. 150—152.)
- [Пономарев 2017б] — *Пономарев Е.Р.* Русский имперский травелог // НЛО. 2017. № 144. С. 33—44.
- (*Ponomarev E.R.* Russkij imperskij travelog // NLO. 2017. № 144. P. 33—44.)
- [Пономарев 2020] — *Пономарев Е.Р.* Постколониальная теория и литература путешествий. Взгляд из России // НЛО. 2020. № 161. С. 355—377.
- (*Ponomarev E.R.* Postkolonial'naja teorija i literatura puteshestvij. Vzglyad iz Rossii // NLO. 2020. № 161. P. 355—377.)
- [Румановская 2019] — *Румановская А.С.* Травелоги конца XIX в. (на примере журнала «Русская мысль») // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (12). С. 164—167.
- (*Rumanovskaya A.S.* Travelogi konca XIX v. (na primere zhurnala «Russkaja mysl'») // Molodezhnyj vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury. 2019. № 2 (12). P. 164—167.)
- [Русский травелог 2015] — Русский травелог XVIII—XX веков / Под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015.
- (*Russkij travelog XVIII—XX vekov* / Ed. by T.I. Pecherskaja. Novosibirsk, 2015.)
- [Русский травелог 2016] — Русский травелог XVIII—XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы / Под ред. Т.И. Печерской, Н.В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016.
- (*Russkij travelog XVIII—XX vekov: marshruty, toposy, zhanyr i narrativy* / Ed. by T.I. Pecherskaja, N.V. Konstantinova. Novosibirsk, 2016.)
- [Русский травелог 2018] — Русский травелог XVIII — начала XX веков: аннотированный указатель / Под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск: Немо Пресс, 2018.
- (*Russkij travelog XVIII — nachala XX vekov: annotirovannyj ukazatel'* / Ed. by T.I. Pecherskaja. Novosibirsk, 2018.)
- [Русский травелог 2019] — Русский травелог XVIII—XX веков: между литературой и документом / Под ред. Н.А. Ермаковой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019.
- (*Russkij travelog XVIII—XX vekov: mezhduliteraturoj i dokumentom* / Ed. by N.A. Ermakova. Novosibirsk, 2019.)
- [Саид 2006] — *Саид Э.В.* Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006.
- (*Said E.W.* Orientalism: Western conceptions of the Orient. Saint Petersburg, 2006. — In Russ.)
- [Сегменты идентичности 2014] — Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей / Отв. ред. М.Ю. Котова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014.
- (*Segmenty identichnosti v tvorčestve zarubezhnyh slavjanskih pisatelej* / Ed. by M.Yu. Kotova. Saint Petersburg, 2014.)
- [Созина 2016] — *Созина Е.К.* Зырянский мир в русской литературе // Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности / Науч. ред. Т.А. Снигирева, Е.К. Созина. 2-е изд., доп. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. С. 84—110.
- (*Sozina E.K.* Zyrjanskij mir v russkoj literature // Permskie literatury v kontekste finno-ugorskoj kul'tury i russkoj slovesnosti / Ed. by T.A. Snigireva, E.K. Sozina. 2nd edn. Ekaterinburg, 2016. P. 84—110.)

- [Тверь в записках путешественников 2012] — Тверь в записках путешественников XVI—XIX веков / Сост., вступ. ст., биогр. справки, подгот. текста и коммент. Е.Г. Милюгиной, М.В. Строганова. Тверь: Книжный клуб, 2012.
- (Tver' v zapiskah puteshhestvennikov XVI—XIX vekov / Ed. by E.G. Milugina, M.V. Stroganov. Tver', 2012.)
- [Тверь в записках путешественников 2013] — Тверь в записках путешественников. Вып. 2: Записки XVIII—XIX веков / Сост., вступ. ст., биогр. справки, подгот. текста и коммент. Е.Г. Милюгиной, М.В. Строганова. Тверь: Книжный клуб, 2013.
- (Tver' v zapiskah puteshhestvennikov. Issue 2: Zapiski XVIII—XIX vekov / Ed. by E.G. Milugina, M.V. Stroganov. Tver', 2013.)
- [Тверь в записках путешественников 2014] — Тверь в записках путешественников. Вып. 3: Водные пути Верхней Волги. Втор. пол. XIX — нач. XX века / Сост., вступ. ст., биогр. справки, подгот. текста и коммент. Е.Г. Милюгиной, М.В. Строганова. Тверь: Книжный клуб, 2014.
- (Tver' v zapiskah puteshhestvennikov. Issue 3: Vodnye puti Verhnej Volgi. Vtor. pol. XIX — nach. XX veka / Ed. by E.G. Milugina, M.V. Stroganov. Tver', 2014.)
- [Тиме 2011] — *Тиме Г.А.* Путешествие «Москва — Берлин — Москва». Русский взгляд Другого (1919—1939). М.: РОССПЭН, 2011.
- (*Time G.A.* Puteshestvije «Moskva — Berlin — Moskva». Russkij vzgliad Drugogo (1919—1939). Moscow, 2011.)
- [Толстой 1992] — Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе, 1697—1699 / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников; [отв. ред. А.М. Панченко]. М.: Наука, 1992.
- (Puteshestvije stol'nika P.A. Tolstogo po Evrope, 1697—1699 / Ed. by L.A. Ol'shevskaja, S.N. Travnikov, A.M. Panchenko. Moscow, 1992.)
- [Травелог 2016] — Травелог: Рецепция и интерпретация / Сост, отв. ред. Э.Ф. Шафранская. СПб.: Свое издательство, 2016.
- (Travelogi: Reserpcija i interpretacija / Ed. by E.F. Shafranskaja. Saint Petersburg, 2016.)
- [Феноменология 2013] — Феноменология, история и антропология путешествий: тез. междунар. Гумбольдтовской конф. (СПбГУ, 16—19 апреля 2013 г.) / Сост., ред. М. Кобельт-Грох, О. Кулишкина, Л. Полубояринова. СПб.: Свое издательство, 2013.
- (Fenomenologija, istorija i antropologija puteshestvij: tez. mezhdunar. Gumboldtovskoj konf. (SPbGU, 16—19 aprelja 2013 g.) / Ed. by M. Kobelt-Groch, O. Kulishkina, L. Polubojarinova. Saint Petersburg, 2013.)
- [Хождение за три моря 1948] — Хождение за три моря Афанасия Никитина / Под ред. Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1948.
- (Hozhdenije za tri morja Afanasija Nikitina / Ed. by B.D. Grekov, V.P. Adrianova-Peretz. Moscow; Leningrad, 1948.)
- [Хождение за три моря 1986] — Хождение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Я.С. Лурье, Л.С. Семенов. Л.: Наука — Ленингр. отд-ние, 1986.
- (Hozhdenije za tri morja Afanasija Nikitina / Ed. by Ya.S. Lurje, L.S. Semenov. Leningrad, 1986.)
- [Эткинд 2001] — *Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- (*Etkind A.* Tolkovamije puteshestvij. Rossija i Amerika v travelogah i intertekstah. Moscow, 2001.)
- [Эткинд 2013] — *Эткинд А.М.* Внутренняя колонизация: имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- (*Etkind A.* Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. — In Russ.)
- [Bassin 1991] — *Bassin M.* Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // The American Historical Review. 1991. Vol. 96. № 3. P. 763—794.
- [Farley 2010] — *Farley D.G.* Modernist Travel Writing: Intellectuals Abroad. Columbia; L.: University of Missouri Press, [2010].
- [Phänomenologie 2015] — *Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens.* Internationales interdisziplinäres Alexander-von-Humboldt-Kolleg in St. Petersburg 16.—19. April 2013 / Hgsg. von L. Polubojarinova, M. Kobelt-Groch, O. Kulishkina. Kiel: Solivagus Verlag, 2015.
- [Pratt 1992] — *Pratt M.L.* Imperial Eyes. Travel Writing and Transculturation. L.; N.Y.: Routledge, [1992].
- [Reisen. Texte. Metropolen 2005] — Berlin, Paris, Moskau: Reiseliteratur und die Metropolen (Reisen. Texte. Metropolen. Bd. 1) / Hg. W. Fähnders, N. Plath, H. Weber, I. Zahn. Bielefeld: Aisthesis Verlag, 2005.
- [Reisen. Texte. Metropolen 2006] — Die Blicke der Anderen: Paris — Berlin — Moskau (Reisen. Texte. Metropolen. Bd. 2) / Hg. W. Asholt, C. Leroy. Bielefeld: Aisthesis Verlag, 2006.
- [Reisen. Texte. Metropolen 2009] — Flüchtige Blicke: Relektüren russischer Reisetexte des 20. Jahrhunderts (Reisen. Texte. Metropolen. Bd. 3) / Hg. W.S. Kissel. Bielefeld: Aisthesis Verlag, 2009.
- [Rosaldo 1983] — *Rosaldo R.* Imperialist Nostalgia // Representations. 1983. № 28. P. 107—122.
- [Smith 2001] — *Smith S.* Moving Lives. Twentieth-Century Women's Travel Writing. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2001.